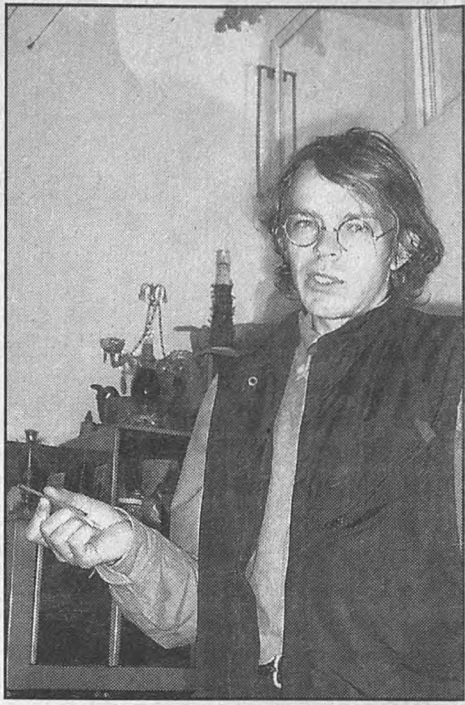

Сергей АФРИКА: "Я занимаюсь психиатрией"

15 лет назад по нему сохло все мое поколение: Африка был самым стильным мальчиком Советского Союза и культовым героем нашего времени. Почему он Африка? А он и сам не знает — так назвал его Гребенщиков и привел в "Ассу".

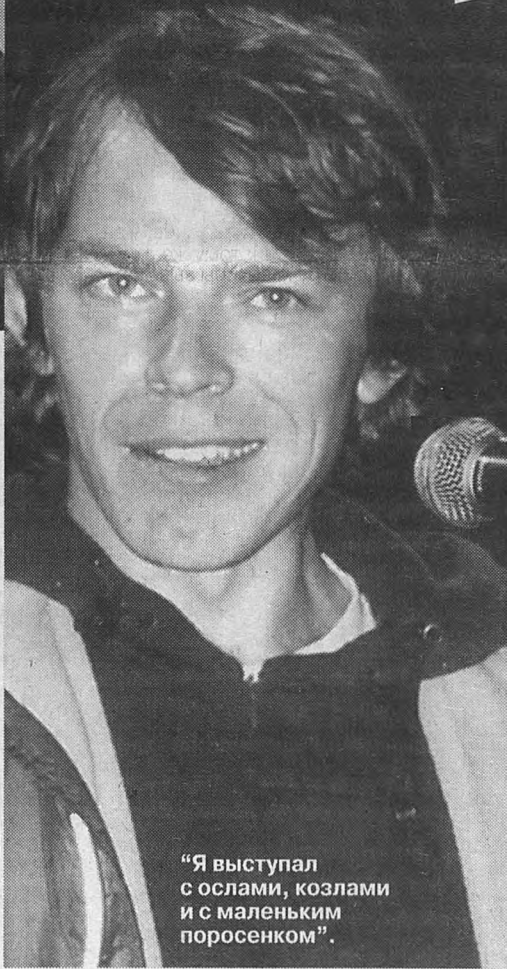
А сегодня не спрашивайте меня, кто он. Ни он, ни то, что он делает, не умещается ни в какие рамки: он добровольно ложится в психушку, чтобы подготовить выставку для венского музея, как помощник депутата подает иск Сергея Бугаева к Государственной думе о снятии запрета на производство, торговлю и употребление легких видов наркотиков и рассматривает искусство через призму работ Фрейда и Павлова.

Что и говорить, арт-элиты. Маргинал до кончиков ногтей. Человек без границ с сумасшедшей энергетикой.

САМЫЙ

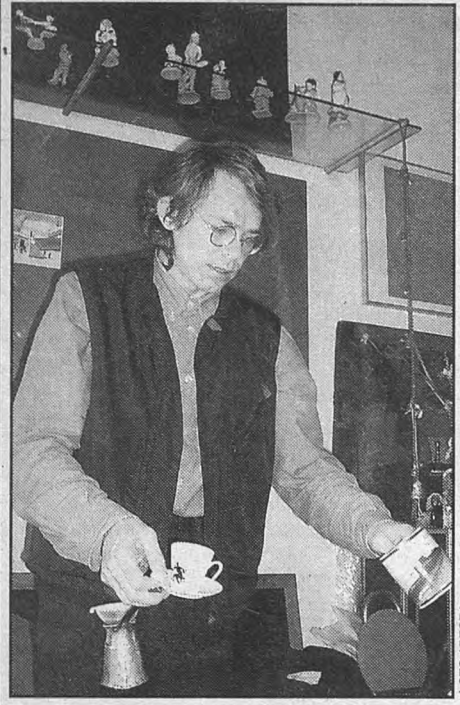
Селедка — она и в Африке селедка.

СТИЛЬНЫЙ

"Я выступал с ослами, козлами и с маленьким поросенком".

Кофе, курительная палочка, задумчивый взгляд: неформал в неформальной обстановке.

Стоит у плиты, варит в джезве кофе: "Слушай, пойдём сегодня на концерт Гребенщикова?"

— Пойдем, — говорю. — Но ты ж про ученика далай-ламы рассказывал, который к тебе в гости вечером придет...

— Да, придет, жена на ужин пригласила. Но все равно, на концерт можно и после ужина.

— А чего это вдруг ты буддизмом увлекаешься? Вот и палочки ароматные жжешь, и буддийские портреты какие-то у тебя тут вперемежку с иконами висят.

— Ничем я не увлекаюсь. Я не являюсь практикующим буддистом, а занимаюсь исследовательской деятельностью, изучаю буддизм с научной точки зрения.

МАРГИНАЛ

еще с тех самых пор, когда с Гребенщиковым познакомился. Я даже собрал коллекцию редких тибетских предметов и передал ее в "Эрмитаж".

— И что конкретно ты в буддизме изучаешь? Искусство? Психологию? Здоровый образ жизни?

— Психический аппарат человека. То, что раньше называлось "душа". В прошлом веке это понятие расщепили Фрейд, Павлов и Юнг, и оно распалось на целый ряд разных понятий и областей. Например, на сознательное и бессознательное.

Понимаешь, тибетский буддизм был настоящим сакральным учением, закрытым — тексты его нигде не писались, а передавались устно от учителя к ученикам. И когда в Тибете изменилась вся конструкция управления и сам институт ламаизма, а высшим руководством тибетского буддизма было принято решение печатать тексты на бумаге, это дало огромный толчок к развитию психоанализа и психологии, расширило понятия "внутренний мир человека", "чувствительность" и "душа". То есть то, чем занимается искусство.

— Ничего себе! То есть ты изучаешь искусство через психологию?

— Психологией я занимаюсь в меньшей степени, а в большей — психоанализом и психиатрией. С 1984 года я состою в Крымской ассоциации психиатров, психологов и психоаналитиков, мы там проводим разные интересные проекты. Например, с Брайеном Ино, известнейшим композитором (который ввел понятие "эмбиент" — В.С.), специалистом по аудиотерапии и по совместительству продюсером "U2", мы посетили ряд психиатрических больниц, где выступали перед психическими больными. Представь: Крым, 1985 год, полное отсутствие медикаментов. Единственное, что есть, — электричество в 220 вольт, и, соответственно, вся медицинская помощь — это электрошок. И мы тестировали аудиотерапию: мы же не только выступали, но и давали возможность больным играть на синтезаторе Брайена, на котором, кстати, писалось много хорошей музыки, в том числе и к фильму "Taispotting". А лет 10 назад мы в одной из больниц сделали эскиз к проекту "Асса-2", такой рабочий материал, чтобы убедить Соловьева снять продолжение фильма. Но он очень занят. Я, кстати, даже не знаю, видел он этот материал или нет.

— "Асса-2" — о психиатрической больнице?

— Нет, абсолютно. Речь идет о выявлении общественного сознания через контраст: в первой части фильма выживший герой оказывается в психиатрической больнице, а во второй — очень близко к Кремлю. Мы работали с профессором Самохваловым, председателем Крымской ассоциации психиатров, и помимо "Ассы-2" сделали еще параллельно несколько исследований

— например, изучали адаптацию людей, которые прошли через электросудорожную терапию. В фильме, кстати, использовались эти кадры — такое еще не показывалось в мировом кинематографе.

— Зачем это нужно показывать зрителю?

— Я нашел, что эти кадры — прекрасное средство для выработки сострадания и, соответственно, позитивной энергии. Потом, кстати, с этим материалом я делал лекции.

— Как же ты, не имея специального образования, читаешь лекции по психиатрии и даже стал членом ассоциации психиатров?

— Я написал диссертацию, и ее с интересом восприняли специалисты. Ты понимаешь, за последние 50 лет в этой области произошли большие перемены, психиатрия из объективной науки стала в большей степени субъективной. И сегодня наряду с традиционной формой лечения в ней рассматриваются совершенно новые, нетрадиционные формы. Этими формами я и занимаюсь: арт-терапия, аудиотерапия, лечение цветом, запахом. А началось это очень давно: однажды нам с Гребенщиковым и Курехиным посчастливилось пересечься с французским философом Феликсом Гваттари, основателем теории шизоанализа, автором книги "Капитализм и шизофрения", которая оказала очень сильное влияние на постмодернизм. У нас началась семейная дружба, и я благодаря этому знакомству стал очень углубленно изучать предмет. Мы даже с Виктором Мазиным (психоаналитик, основатель Музея сновидений Фрейда Санкт-Петербурга, упомянутого Пелевиным в "ДПП" — В.С.) еще при жизни Курехина образовали "Кабинет" (популярный сегодня в Питере журнал о современном искусстве со стартовым тиражом в несколько экземпляров, который распространялся исключительно среди тех, кто был способен доказать, что в нем нуждается. — В.С.), где очертили интересный нас круг проблем по вопросам искусства и науки.

— Слушай, а это правда, что ради любви к искусству ты даже ложился в психбольницу?

— Правда. Я тебе сейчас по этому проекту книгу покажу (книга "Крымания" издавалась на трех языках, библиографическая редкость. — В.С.). Это случилось после того, как рухнул Советский Союз. Я предложил венскому Музею прикладного искусства проект "Крымания" — о нем потом много шумели в мировой прессе. Идея была такая: я, как личность, как бывший гражданин СССР, испытываю дискомфорт в связи с

крахом и уничтожением родины. Меня поместили в определенную среду, вели за мной наблюдение, а я готовил выставку для венского музея, используя потенциал находящихся в больнице больных. Этот проект был интересен и для меня, и для психиатрии: мы разрабатывали его совместно с Крымской ассоциацией психиатров.

Я приехал в Крым, в таком "болезненном дискомфортном состоянии" пришел в больницу, написал расписку о том, что я добровольно согласен обследоваться, и сразу был помещен на больничную койку. Ты только представь — в первую же ночь оказался в одной палате с 30–40 мужчинами, часть из которых совершили ряд тяжких преступлений. Как ты себе это представляешь?

— Ну представляю нечто страшное.

— Страх — это не самое главное, что можно испытать в подобных условиях. Помимо страха ты чувствуешь очень тяжелое состояние, которое порождает совершенно жуткие мысли: "я уже здесь навсегда", "мне отсюда не выбраться", "никто меня уже не помнит". Это состояние появляется в процессе наблюдения за разговором больных: мы были единым коллективом, легли спать, выключили свет — и тут отдельные сегменты коллектива стали общаться между собой. И вот ты слушаешь их и начинаешь думать, что эти разговоры уже на всю оставшуюся жизнь.

— И ты изучал в отдельно взятом коллективе, как его сегменты реагируют на распад Советского Союза?

— Вот посмотри на фотографию этого человека — он был подводником, а потом у него случилась какая-то очень суровая галлюцинация, и ему стало казаться, что те, кто его окружает, — это эсэсовцы и фашисты. В результате он уничтожил какое-то количество людей. Для него и таких, как он, в момент выплески я сделал выставку, было как раз 23 февраля. И мне было очень интересно наблюдать за реакцией пациентов, с которыми мы расклеивали Героев Советского Союза и которым сложно было объяснить, что Советского Союза уже больше не существует: эта выставка в первую очередь и была рассчитана на таких людей, заболевание которых состоит в том, что они не смогли перейти на другой символический уровень, когда флаг поменял цвет, изменились границы, стал другим герб. А Австрия, которая серьезно и внимательно относится к психоанализу, очень заинтересовалась "Крыманией". Хотя

кому-то может показаться, что никакого искусства в этом проекте нет.

— Так и у тебя, насколько я знаю, нет никакого специального художественного или искусствоведческого образования. Вообще, я, если честно, не могу понять: люди десятилетиями корятся в художественных училищах, набивают руку, получают азы, а Сергей Бугаев без этого всего — раз, и пошел по всему миру. Русский музей, вашингтонский Tacoma Art Museum, токийский Setegaya Art Museum, венский Museum fur Andewandte Kunst, венецианские биеннале, мадридский Centro de Arte Reina Sofia, а также Амстердам, Финляндия, Париж и так далее без остановок вплоть до частных коллекций разных богатых коллекционеров. Ну как это так?

— В том-то все и дело, что люди часто не тому учатся. Искусство — это же не только изучение способов нанесения краски на холст плюс талант. Это еще и способность проявить непроявленное. В искусстве что главное? Выразить внутренний мир. И как это выражение загнать в какие-то рамки, азы, образование? Я вообще тем людям, которые хотят заниматься искусством, посоветовал бы ни в коем случае не учиться рисовать, потому что учение — это процесс заучивания, а искусство не стоит на месте, оно подвержено развитию, эволюции.

Понимаешь, искусство сегодня очень прочно объединилось с различными серьезными исследовательскими дисциплинами — антропологией, психоанализом, компьютерной технологией. Последняя наука, которая еще не слилась с искусством, — это математика, и я делаю все возможное, чтобы этого не произошло. Хотя этого сегодня так активно желает социум, который я называю "кока-кола" — всякие специалисты по пиар-технологиям и маркетологи: "Мы добавим 2% зеленой краски в рекламный плакат, и продажа продукта увеличится в 70 раз". К сожалению, задача современной пиар-технологии — посадить человека на идею купли-продажи. Задача же художника — объединиться с различными течениями, в том числе религиозными и мистическими учениями, чтобы дистанцироваться от этой пиар-гонки "купи-продай".

— И как ты можешь с этим бороться?

— Отвлекать внимание от подобных процессов, чтобы человек не превратился окончательно в покупательскую единицу. А то получается — человек говорит, что любит музыку, и при этом начинает перечислять: "Фабрика звезд", "Владимирский централ" с элементами Киркорова.

— Но ты же сам играешь хаус — самую что ни на есть танцевальную музыку. Тебя вот даже называют родоначальником техно-индустрии, сподвижником всяких лав- и стрит-парадов и все такое прочее...

— Я тебе процитирую Джона Кейджа (философ, композитор, основатель нового течения в музыке, создавший в 50-х годах скандальное "4'33" для фортепиано": в течение 4 минут и 33 секунд на сцене длилась тишина, в которую умещались любые случайные звуки из зала и с улицы. Публика неадекватно реагировала на произведение маэстро — ругалась и освистывала, хотя сегодня искусствоведы называют "4'33" гениальным открытием. — В.С.): "Мы слушаем не музыку, а звуки". Я вообще не хочу загонять то, что я делаю, в какие-то рамки — оттого, что я дам определение тому, что я делаю, то, что я делаю, не изменится. Лично я отношу себя к ученикам Сергея Курехина, а это значит... как бы это объяснить? Помнишь, в "Сталкере": "Вот музыка, ее как бы и нет, а проникает в самую душу".

— Когда ты работал в "Поп-механике" с Курехиным, ты заведовал некоей мистической биосекцией. Это что такое — тоже "за рамками"?

— Это как раз просто: в наших выступлениях принимали участие домашние животные. У нас же был такой концептуальный круг, где провозглашалось равенство между всеми. Так что с нами выступали лошади, козы, ослы, поросята. Один раз в Берлине на концерте у нас пел поросенок: я его тянул за хвост, и он пищал.

— Серез, ты женат?

— 15 лет как. У меня уже двое детей — 9 лет и 9 месяцев. Малыш только-только начинает самостоятельно есть, поэтому у меня тут на полу столько хлеба валяется, не успев убрать до твоего прихода.

— А жена у тебя такая же умная, как и ты?

— Я надеюсь. (Довольно улыбается.)

— Я тебе такой заковыристый вопрос хочу задать: вот ты весь из себя маргинальный, такой весь богемный, протестующий против массового и популярного... Но как же при этом ты себя чувствуешь в рамках героя фильма "Асса", ставшего самым что ни на есть массовым?

— Массовое ведь тоже бывает разным. Бывает "на языке толпы", когда толпа все хакает, а бывает культовым. И многое, что нам удалось навязать обществу через фильм "Асса", было революционным и сохранилось таковым до сих пор. И это очень приятно. Хотя и логично: в фильме принимали участие и Цой, и Курехин, и Гребенщиков, и прежде всего крупнейший режиссер Соловьев... А вообще, ты знаешь, одно другому не мешает. Вот мы с Виктором Пелевиным собираемся сделать выставку "Получение сексуального наслаждения через зарабатывание огромных денег", где хотим рассмотреть первое поколение олигархов. Вот как ты думаешь, этот проект маргинальный или массовый?

Виктория САРЫКИНА.